

В. В. Огарков
Алексей Кольцов. Его жизнь
и литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175332

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	5
Глава I. «Темное царство» и поэт	7
Глава II. Степь. Дружба и любовь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Василий Васильевич Огарков Алексей Кольцов. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк В. В. Огаркова

С портретом А.В. Кольцова, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

Прошло уже полвека со дня смерти Кольцова, между тем до сих пор еще многие факты его биографии остаются неясными, а многие рассказы о его жизни и отношениях с окружающими, считавшиеся прежде достоверными, оказываются не совсем согласными с действительностью.

Одним из самых ценных документов для ознакомления с жизнью поэта является известная его биография, написанная Белинским. Знаменитый критик не пожалел ярких красок в изображении трагического положения своего друга среди окружавшей его «грубой и невежественной» обстановки. Но эта блестящая статья, заключая много тонких психологических штрихов и справедливых мыслей и представляя верную оценку поэтического таланта поэта-прасола,¹ порою слишком идеализирует его как человека и в гиперболически мрачном свете выставляет нравственные качества людей, его окружавших. Согласно известному изречению: «Человеку не чуждо ничто человеческое», трудно ожидать, чтобы и у Кольцова не было недостатков, привитых окружавшею его средою, хотя это несколько не умаляет его огромных достоинств. Между тем в горячей статье Белинского дело представлено так, что Кольцов – яркий, чудный цветок, а кругом него сплошь отвратительное, грязное и топкое болото. Понятно, что такая картина в целом кажется не совсем правдоподобною и ее резкие штрихи должны быть, при изучении дела, значительно смягчены.

Очень мало имеется достоверных данных относительно последних полутора или двух лет жизни поэта, а между тем это время преждевременного и горького угасания сильного таланта является очень интересным периодом в биографии Кольцова. Да и вообще желательно было бы большее количество данных обо всей жизни поэта. Недостаток биографических материалов о нем объясняется как самим характером Кольцова, так и окружавшею его обстановкой. Скромный прасол не был ни видным общественным деятелем, ни титулованным лицом, ни слишком ярким, импозантным человеком, да и сама роль его в литературе тогда не казалась настолько значительной, чтобы современники и друзья считали нужным отмечать и запоминать факты жизни поэта. Необразованная семья, где родился и провел жизнь Кольцов, понятно, не могла да и не всегда имела время наблюдать поэта в детские и отроческие годы и отмечать влияние тех или других факторов на формирование его характера и таланта. Сам Кольцов, как известно, не писал ни дневника, ни воспоминаний и не вел записок. При его сдержанном и скрытном характере он мало и рассказывал о себе. Правда, в последние годы жизни поэт вел большую переписку, но многие его письма еще не обнародованы и даже неудобны для этого, по рассказам знакомых с ними лиц, вследствие своего слишком интимного содержания. А письма, писанные к самому Кольцову, как и все его бумаги, в которых могло сохраниться много ценных биографических указаний, проданы были после смерти поэта его отцом как никуда не годный материал на рынок, «на завертку». И только совершенно случайно самая малая часть из проданного попала впоследствии в руки людей понимающих. Таким образом, для биографии поэта-прасола, кроме написанных им стихотворений, до сих пор еще главным материалом являются напечатанные рассказы и воспоминания его друзей и современников, устные рассказы старожилов Воронежа и родных Кольцова, а также небольшое количество опубликованных в печати писем его. И конечно, в ряду статей, посвященных поэту, все-таки одною из самых драгоценных является выше-означенная биография, написанная Белинским. Кольцов целые месяцы жил со знаменитым критиком и вел с ним обширную переписку; он был очень откровенен с Белинским, поверял ему многие самые интимные факты своей жизни. Статья напечатана критиком при издании

¹ Прасол – гуртовщик, торговец скотом (*Словарь В. Даля*)

стихотворений Кольцова в 1846 году, то есть четыре года спустя после смерти поэта, когда Белинский, конечно, не успел еще забыть сообщенных ему фактов. Повторяем, единственный недостаток помянутой блестящей статьи тот, что в пылу горячности, вызванной печалью о погибшем поэте, в ней брошены сильные и не совсем справедливые обвинения в адрес родных и знакомых прасола.

Из позднейших же исследований о поэте самого большого внимания заслуживает книга покойного М. Ф. Де-Пуле «А. В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке» (СПб., 1878). Автор, долго живший в Воронеже, собрал на месте насколько возможно полные данные о поэте. В книге, кроме того, сгруппировано почти все, появлявшееся в литературе о жизни Кольцова, а также приведено много выдержек из нигде не обнародованных писем поэта к А. А. Краевскому.

Мы при составлении очерка в значительной степени пользовались вышеупомянутой книгой Де-Пуле, не разделяя, однако, всех выводов автора. Кроме прочитанной нами литературы, относящейся до предмета предлагаемого очерка, мы во время жизни в Воронеже и при поездках в этот город старались разузнать и проверить многие данные, сообщавшиеся о поэте, хотя это и представляло трудности за слишком большою давностью событий.

Очень желательно, чтоб хотя бы к пятидесятилетию (19 октября 1892 года) со дня смерти Кольцова были опубликованы до сих пор еще не напечатанные письма его, а также воспоминания знавших его или слышавших о нем из достоверных источников. Это, может быть, помогло бы установить более подробно и точно факты последних двух лет его жизни и осветило бы уже известное новым светом.

Глава I. «Темное царство» и поэт

Трагическая роль избранников судьбы. – Кольцов – один из таких избранников. – Рождение Кольцова. – Роль Воронежа при царе-преобразователе. – Воронежское купечество. – Буржуазная «аристократия». – Ближайшие предки поэта. – Прасолы и шибай. – Отец и мать Кольцова. – Крепостные у помещиков Кольцовых. – Няня поэта. – Детство его. – Обучение грамоте. – Страстная жажда чтения. – «Бова» и «Еруслан». – Роль сказок в возбуждении интереса к чтению. – Дружба с Варгиным. – Романы Лафонтена и Дюкре-дю-Мениля. – «Тысяча и одна ночь». – Попытки писательства. – Начало практической торговой деятельности. – Первые очарования природой. – Смерть товарища. – Стихотворения Дмитриева. – «Три видения». – Писание стихов. – Неблагоприятные условия для поэтической деятельности

Природа выявляет трагическое, забрасывая в душу человека, обреченного по своему общественному положению на беспросветную и тяжкую долю, искры божественного огня. Этим святым, но и опасным даром она как будто желает в известной степени вознаградить общественные группы, обделенные светом знания и изнывающие в тяжелой борьбе за существование, и, с другой стороны, – показать удивленному миру, какие богатства душевных и умственных сил таятся в тех слоях общества, для которых судьба была суровою мачехой. И пример божественных избранников, не только сохранивших искры святого огня, но и раздувших их в светящий миру факел, несмотря на условия жизни, постоянно мешавшие этому, – пример этот действительно показывает нам, какими могучими задатками обладают лишенные света знания и материального довольства общественные слои, какой непочатый еще родник поэзии, ума и нравственной энергии заключают они и какую могучую, живительную струей пролились бы эти силы, если бы история была вообще милостивее к людям.

Здесь не место приводить многие случаи, доказывающие богатство дарований «сынов народа», и мы ограничимся только двумя наиболее известными в русской истории примерами: Ломоносов, в одной своей особе, по выражению Пушкина, «вмещавший всю российскую академию и университет», и знаменитый патриарх Никон были крестьянские дети.

Алексей Васильевич Кольцов принадлежал к этим светлым и вместе с тем трагическим избранникам судьбы. Как ни проста его жизнь, как, по-видимому, ни будничны ее подробности, но она представляла порою жестокую драму. По выражению Гейне, с каждым человеком «родится и умирает целая вселенная». Это изречение еще более применимо к натурам избранным, поэтическим, обладающим чуткою отзывчивостью к радостям и страданиям. Немало пришлось страдать и Кольцову, немало он сделал тяжелых уступок обстоятельствам, немало и к нему пристало житейской грязи; но борьба не сломила вконец его души, он вынес из тумана жизни свой священный факел, и огонь его горит ясною, нетленною красотой в прекрасных и задушевных песнях.

Кольцов родился в 1808 году, 2 октября, в Воронеже. Отец его, Василий Петрович, был мещанин-прасол. Миром, среди которого увидел свет, провел детство и молодые годы (до счастливых встреч с друзьями и образованными людьми) Кольцов, было то «темное царство» с его застывшим культом верований, привычек и подобострастным отношением к

капиталу, которое так губит всякое самостоятельное мышление и чувство. «Яйца курицу не учат», «с сильным не борись», «деды не глупее нас были, а грамоты и не знали» – вот некоторые из мудрых правил кодекса, обязательного в этой среде. Грубость, невежество и соединенное с ним суеверие – обыкновенные спутники жизни без света, без знания, без права критики вековых устоев «темного царства». Нужны очень счастливые способности в соединении с особой душевной стойкостью, чтобы выбраться из засасывающего болота подобной жизни и стать на твердую почву.

Но прежде чем перейти к детству Кольцова, мы должны сделать маленькую историческую и географическую экскурсию, чтоб лучше осветить положение поэта-прасола и его ближайших предков среди местного общества.

Воронеж, расположенный на высоком берегу реки того же названия, притоке Дона, – очень красивый город. Уже в далеком прошлом, когда воды реки были глубже, и когда Воронеж был одним из крупных пунктов редко населенной степной окраины, здесь кипела жизнь: царь-работник наметил этот город для своей кораблестроительной деятельности. Здесь строились и снаряжались суда для походов Петра I на Азов, основывались фабрики и заводы в то время, когда еще провинция спала глубоким сном. Это обстоятельство, а также заезды царя и долгое его пребывание в городе способствовали тому, что в Воронеже оказалось много прозелитов вводимой Петром «крестом и мечом» новой цивилизации. Образовалось немало купеческих фамилий, «аристократов» торгового сословия, давно уже усвоивших себе внешние атрибуты новых веяний: бритье бороды и немецкое платье. Но, разумеется, толчок, данный когда-то росту города деятельностью Петра, не мог выразиться только одним внешним образом: он необходимо расширил и умственные горизонты обывателей. И действительно, воронежское купечество отличалось, сравнительно с торговым сословием многих других губернских центров, своею интеллигентностью, так что наблюдатель, попавший в Воронеж хотя бы в первой четверти настоящего (XIX. – *Ред.*) столетия, был бы удивлен, встретив в небольшом еще тогда городе купцов, далеко не похожих на те лики «суздальского письма», представление о которых невольно возникало при знакомстве с тогдашнею литературой и с представителями купеческого сословия в других местах. Многие воронежские купеческие «аристократические» роды измеряли свое прошлое промежутками времени в столетие и более, и из них действительно выходили замечательные люди как по образованию, так и по той чуткости ко всему доброму и прекрасному, которую они проявляли, например, по отношению к Кольцову или к воронежскому же уроженцу И. С. Никитину, страдальческая и искренняя муза которого, так глубоко трогающая душу, не получила еще до сих пор надлежащей оценки.

Кольцовы (отец, дед и прадед поэта) не принадлежали к этой купеческой аристократии, жившей главным образом в возвышенной, «богатой» части Воронежа. Они были мелкими торгашами-прасолами и шибаями² и жили испокон века на одной из нижних, грязных и «плебейских» улиц города (Гусиновке).

Кто желает получше познакомиться со значением слов «прасол» и «шибай», тот пусть прочтет скорбную поэму Никитина «Кулак». Поразительно реально, со скорбью о погибающих людях-братьях, со слезами, брызжущими из-под каждой строчки, описана в этой поэме гнусная, позорная и тяжелая жизнь кулака-шибая... В борьбе за существование, за жизнь впроголодь «шибай зубами, как зверь, готов рвать кусок хлеба у таких же обездоленных, как и он, бедняков – обманывает, обвешивает и клянется... Мы сами близко знаем эту жизнь и можем засвидетельствовать, что тяжелее и печальнее существования мелкого шибая или прасола (занятий, соединенных часто в одном лице) трудно себе что-нибудь представить... Шибай – это парии торгового класса... „Кошкодер“, „дохлятник“ – вот названия, которыми

² Шибай – перекупщик, барышник, кулак (Словарь В. Даля)

чувствуют их и мужики, и торговцы, имеющие счастье принадлежать к более высокому коммерческому рангу...

Едва ли ближайшие предки Кольцова много отличались от Лукича (героя поэмы «Кулак») характером своей деятельности.

Несомненно, и им приходилось ездить по деревням или на городских базарах скупать сало, шерсть, кошек, собак и прочее, — обвешивать, обмеривать и клясться из-за грошей. Впоследствии только это мелкое шибайно-прасольское дело перешло в более крупное: в покупку и выкорм гуртов скота. Эти занятия, продолжавшиеся из поколения в поколение, выработали известный тип, передававшийся по наследству, — тип упорного в стремлении к наживе, бойкого и хитрого торгаша, готового обмануть родного отца и поступающего по известным мошенническим заповедям: «не зевай», «на то щука в море, чтоб карась не дремал», «не обманешь — не продашь» и так далее. Насколько прочны черты этого типа при известной обстановке, показывает пример самого поэта: одаренный счастливыми способностями, с искрой божией в душе, он, однако, до конца жизни не мог избавиться от привычек, переданных ему по наследству и закреплённых воспитанием. И эта борьба со следами прошлого, этот разлад практики жизни со светлыми идеалами поэзии, жившими в сердце поэта, приносили ему те страдания, которые и превращали часто его скромную жизнь мещанина в грустную трагедию.

Но, во всяком случае, Василий Петрович ко времени рождения сына, незадолго перед тем выделившись из семьи своего отца, был уже человеком достаточным, о чем свидетельствует покупка им дома в лучшей части города, на Дворянской улице, где и увидел божий свет будущий автор «песен». Не раз, вероятно, приходилось отцу поэта, если встречалась надобность, подавать и гильдию, то есть бывать купцом; но это ничего не меняло: он оставался мещанином как по образу жизни и привычкам, так и по платью. В данном случае «мещанство» Кольцовых означало не недостаток средств, а низменность происхождения и положения по отношению к купеческой «аристократии» города.

Отец поэта едва знал грамоту: умел только читать и писать. Но он был человек с умом, с характером самостоятельным и не мягким. Вообще большой ум составлял как бы родовую принадлежность Кольцовых. Природные задатки вместе с суровым характером, не терпевшим противоречий, развились в Василии Петровиче от ранней самостоятельной жизни — так как он почти юношей выделился из семьи своих родителей, — а также и от постоянных удач в торговле. Мать поэта (урожденная Чеботарева) была неграмотна, но красива, — с добрым, мягким сердцем и недюжинным умом. Поэт до конца жизни сохранил теплое чувство к ней, и, может быть, те мягкость и гуманность, с которыми в своих песнях относился он к забитому меньшому брату, к его нуждам и радостям, составляют наследие, полученное от матери, так что и в этом случае при более тщательном расследовании, вероятно, выяснилась бы благотворность материнского влияния на поэта, как это вообще нередко было со многими талантливыми людьми. Но мягкими чертами только в известной степени сглаживалась та общая суровая сдержанность поэта, которая перешла к нему целиком от отца.

Кольцов являлся старшим, а впоследствии, когда его младший брат, Владимир, умер, единственным сыном Василия Петровича, у которого, кроме того, было несколько дочерей. Это обстоятельство заранее предreshало будущую судьбу поэта как прямого помощника отца, продолжателя его торговых дел и наследника. В этом же факте кроется и причина той нерешительности, которую впоследствии обнаружил поэт в вопросе о том, быть ли ему в Воронеже или уехать в Петербург, куда его звали приятели. Как единственный сын он считал, с одной стороны, своею обязанностью быть поддержкой семье, а с другой, — работал и для себя, будучи единственным наследником отцовского состояния. Как мы сказали выше, ко времени рождения Кольцова отец его был уже человеком достаточным, известным в Воронеже и пользовавшимся большим кредитом. В пору детства поэта Василий Петрович

успел породниться с купеческой аристократией; этот факт уже прямо указывает на то, что период мелкого прасольства для него окончился; он выдал свою старшую дочь за Башкирцева, одного из тех родовитых и богатых купцов, ведшего обширную торговлю хлебом, о которых мы говорили. Дом Кольцовых стоял на лучшей городской улице, у них было даже немало своей крепостной прислуги. Читатель при этом известии удивится: каким образом мещанин, сам представитель низшего, податного сословия, мог владеть крепостными? Но это была пора, когда крепостными торговали как товаром: их продавали оптом, в розницу и отдавали «напрокат». Духовные, купцы, чиновники и мещане – все могли владеть крепостными, приобретая их на имя знакомых дворян или откупая у последних на известные сроки. Во всяком случае, из сказанного видно, что детство Кольцова, равно как впоследствии и вся жизнь, прошло в достатке, а не в лишениях и питании впроголодь, как это утверждают страстные панегиристы поэта, мало, однако, знакомые с фактами.

У маленького Алеши была крепостная няня, ходившая, впрочем, и за другими детьми. Тому факту, что у Кольцова, как и у других наших прославившихся поэтов, была няня «из народа», в данном случае не следует придавать особенного, исключительного значения, какое он мог иметь в судьбе баричей-поэтов, знакомившихся с народной жизнью только урывками и оторванных от нее всею обстановкою и привычками. Конечно, рассказы няни, ее сказки и песни могли проникнуть в чуткую душу ребенка-Кольцова и могли найти там отклик. Может быть, в народные обороты, в простой, но чудесный язык его песен вошло что-нибудь из слышанного от няни в детстве, когда так глубоко западают в душу все впечатления; но все-таки для знакомства с народом у Кольцова оказались впоследствии более могущественные средства: он сам с головою окунулся в океан народной жизни; он проводил целые долгие месяцы в деревнях, слышал народную песню в широких привольных степях, слышал и заунывное причитанье пряжи под треск догорающей лучины, слушал не раз вой вьюги, застигнутый ею в дороге, и завывания голодных волков. Нужно сознаться, что не только у лиц, выступавших на литературное поприще до Кольцова, не было такого опыта и знания народной жизни, такой непосредственной близости к ней, но даже и у позднейших писателей, претендовавших на знание этой жизни, оно встречалось далеко не часто. И в этом заключается, конечно, одна из причин сильного воздействия поэзии Кольцова на читателей.

Жизнь ребенка-Кольцова ничем не отличалась от жизни детей мещанского круга; на воспитание его обращалось мало внимания, скорее никакого, присмотр был не особенно тщательный: ребенок пользовался свободой, бегал по улицам и, как это обыкновенно водится, простуживался, ушибался и проч. Товарищами детских игр мальчика были младшие сестры его и двоюродный брат. Замечательно, что Кольцов был мальчик хотя и способный, но не бойкий и не живой, а флегматичный, ушедший в себя. Таким он и остался на всю жизнь, хотя под этою спокойною и сдержанною внешностью нередко кипели страсти. Ничто в раннем детстве не указывало на то, что маленький Кольцов будет впоследствии таким прославленным поэтом, – да это открытие, если бы и было сделано, не доставило бы особенного удовольствия домашним.

Когда мальчику исполнилось девять лет, к нему для обучения грамоте пригласили семинариста. Кольцов скоро и недурно приготовился и поступил, минуя приходское, в уездное училище, но был оттуда взят отцом из второго класса, в котором проучился, перейдя из первого, только четыре месяца. На этом ученье Кольцова и окончилось: его знания были совершенно достаточны, по мнению отца, для той роли, к которой сын предназначался. Но, увы, эти знания были ничтожны в глазах любознательного поэта, что обнаружилось перед ним с полною ясностью только тогда, когда уже минувшее трудно было исправить... Впоследствии, несмотря на огромную и страстную жажду знания, жизнь, взявшая в тиски поэта, не дала уже возможности поправить прежних ошибок... Так и остался бедный Кольцов с теми небольшими сведениями, которые приобрел в плохо организованной школе того вре-

мени. И что печальнее всего, даже в той области, где так отличился поэт-прасол, в сфере слова, – и здесь недостаточное образование давало себя чувствовать: орфография Кольцова была ужасна, и его произведения совершенно были бы невозможны в печати без самых решительных поправок их в грамматическом отношении.

Вероятно, еще до школы в мальчике проснулись неясно те стремления, которые потом выразились в страстной жажде чтения. Как, под влиянием каких непосредственных причин в человеке вдруг просыпается могучее влечение к миру мыслей и грез, в область «прекрасного», – трудно бывает решить в каждом отдельном случае. Но чтоб это влечение под влиянием того или другого импульса проявилось, человеку необходимо родиться с искрой божией. Немало было в Воронеже детей, чье детство было обставлено во всех отношениях лучше детства Алеши Кольцова, но ни один из них не сделал того, что впоследствии сделал поэт. Едва научившись читать, мальчик страстно отдается книгам: его живое воображение увлекается фантастическими образами сказок, и над произведениями вроде «Бовы» и «Еруслана» он просиживает целые вечера, перечитывая их по нескольку раз; как ни плохи эти аляповатые сказки, но они открывают живому детскому уму такую необъятную область явлений, такую чудную страну вымыслов, что невольно приохочивают к чтению. И в этом, может быть, заключается немалая доля пользы, приносимой на первых порах подобными книжками, окупающая в значительной степени то «обманное» знакомство с фактами жизни, которое они дают. Кольцов настолько пристрастился к книгам, что тратил на них деньги, получаемые от отца на игрушки и лакомства.

В школе любознательность Кольцова получила новый толчок: он познакомился с симпатичным мальчиком, сыном купца Варгина, у которого была библиотека. Такие натуры, как Кольцов, на заре своей жизни открывают душу для самой беззаветной приязни и дружбы, и только впоследствии суровая действительность, разбив иллюзии и мечты детства, заставляет их быть осторожными и осмотрительными с людьми... Но пока мальчик Кольцов страстно отдавался чувству дружбы и вместе с приятелем широко пользовался книгами из его библиотеки. Он захлеб теперь читал романы (Лафонтена, Дюкре-дю-Мениля и др.), а от попавшихся ему сказок «Тысячи и одной ночи» не мог оторваться. Последняя книга совершенно очаровала его фантастичностью и пленительностью своих образов: неуклюжие фигуры «Бовы» и «Еруслана» были уже забыты для новых любимцев. Будущая страсть к писательству сказывалась уже и теперь: Кольцов сам старался написать что-нибудь похожее на прочитанное – вещь, случающаяся со многими впечатлительными детьми... Но отец не за тем взял сына из школы, чтоб он «бил баклуши» над книгами: мальчик был нужен ему как помощник в торговых занятиях. И вот уже с ранней молодости вплетается в мир грез и дум Кольцова практическая действительность, та «проза жизни», к которой по преимуществу может быть отнесена деятельность его отца. Мальчик поступает «в науку»: его посылают с деловыми записками к купцам, с небольшими суммами денег за незначительными покупками, и, наконец, отец берет сына в степи, к гуртам скота.

Весьма возможно, что уже в эти ранние поездки, в эту «жизнерадостную» пору юности, когда душа жадно вбирает в себя впечатления, степь очаровала мальчика: ему должны были нравиться ее безбрежные ширь и простор, звонкая трель жаворонка в синем небе, стада, потонувшие в бесконечном зеленом море, и заунывная мелодия чумацкой песни... Может быть, и тогда уже в неопределенных очертаниях запали в отзывчивую душу Кольцова те краски и звуки, которыми так действует природа на людей.

Так проходило отрочество поэта: приезжая из степи в город, он набрасывался на книги, переходя таким образом от одного наслаждения к другому. Но и тут уже к мальчику подкрадывалась беда: друг его Варгин умер, завещав приятелю до 70 книг. Тесное чувство связывало друзей, и легко понять печаль Кольцова о приятеле, которому он поверял свои думы, с которым вместе провел за чтением несколько лет... Памятью этой первой дружеской при-

вязанности остается стихотворение «Ровеснику». Но, конечно, печаль в такие ранние годы не может быть долговечною: жизнь берет свое... И Кольцов понемногу забывает о своем приятеле, гарцуя по степи и поглощая с жадностью книги в городе. Наконец, будучи уже 16–17 лет, он покупает на толкучке стихотворения Дмитриева. Для юноши, никогда еще не читавшего стихов, но знавшего много песен и певшего их, такая покупка была целым открытием: она как бы отвечала на запросы души, жаждавшей «сладких звуков и молитв».

Кольцов бросился со своим сокровищем в сад и стал не читать Дмитриева, а... петь! Подметив сходство стихов с песнями, он полагал, что стихи, как и знакомые ему песни, нужно петь; и от этой привычки не мог освободиться даже после, читая всегда сильно нараспев... Как ни смешна вышеприведенная сцена, но в образе увлеченного юноши, распевającego стихи, есть что-то наивно-трогательное. Кольцову очень понравились гармония стиха и созвучия рифм. Эта случайная покупка на толкучке книги Дмитриева решила участь Кольцова: в нем пробудилось такое страстное желание писать стихи, что оно превозмогло все препятствия... Пьесы Дмитриева юноша заучивал наизусть, в особенности ему понравился «Ермак». Вскоре представился Кольцову и материал, годный для того, чтобы излиться самому в рифмованных звуках; но последнее, при незнании того, что такое стих и каково его отличие от прозы, было связано с адски головоломной, каторжной работой, и только врожденным поэтическим талантом, инстинктивным стремлением к подобной деятельности можно объяснить то упорство, с которым поэт стряпал, обливаясь потом, свои первые вирши.

Приятель Кольцова видел сон, снившийся ему три ночи сряду, который и рассказал прасолу. Сначала приятелю приснилась молодая девушка редкой красоты, потребовавшая, чтобы он женился на ней; во второй раз – она явилась взрослою женщиной и в третий – старухою, грозившей за ослушание... Тема довольно романтическая. Целую ночь просидел Кольцов в своей комнатке, выходявшей окнами в небольшой, но тенистый сад при доме, над первой своей стихотворной пьесой «Три видения», изображавшей случай, приключившийся с приятелем. Но как же выполнил эту работу Кольцов, не зная правил стихосложения? Он взял одну из пьес Дмитриева и стал подгонять к ней свою работу. Трудно дались ему первые строчки, но потом пошло легче, и таким образом получилось чудовищно нелепое стихотворение, настолько безобразное, что впоследствии Кольцов даже Белинскому, с которым вообще был очень откровенен, стыдился показать его, говоря, что оно уничтожено...

Но, несомненно, в первое время по сооружении пьесы Кольцов испытывал авторскую гордость, по размерам, может быть, не уступавшую той, с какою величайшие гении созерцают свои совершеннейшие произведения, у Кольцова были «свои» стихи, он сам может «сочинять», – а это сознание стоило чего-нибудь! И за первым опытом естественно последовали дальнейшие – плод бессонных ночей, работы при робком мерцании свечи или даже только при луне, из боязни отца, сначала не совсем благосклонно относившегося к «баловству» сына. И сколько юношеских восторгов видела, может быть, комната мальчика, и каким была она частым, но немым свидетелем страстных порываний его в запретную, но дивную область поэтических грез и видений!

Так Кольцову пошел 18-й год. Между тем отцовское дело росло, и помощь сына была все нужнее и нужнее... Будущий поэт вступил в торговую сферу как полноправный ее гражданин. Но, работая, Кольцов мог читать и писать только урывками, часто тайком от отца. Кроме этого, поэтический труд его был нелегок в том отношении, что юноша ни к кому не мог обратиться за советом и разрешением возникавших сомнений. Он писал как в потемках: кругом не было никого, кто мог бы дать указания, оценить его достававшиеся тяжелым трудом стихи... У прасола еще не было друзей, нравственная поддержка которых позволила бы забыть окружающие невзгоды, мешавшие работе... Натура страстная, открытая для всех благородных чувств вплоть до горького опыта последующей жизни, Кольцов более других

нуждался в этой поддержке, в душевном подъеме, чтоб вынырнуть свои прекрасные песни... Для «звуков сладких и молитв» был слишком неудобен шум грязных базаров с их руганью, божбою из-за копеек и надувательством... Кольцову для развития его таланта была нужна другая обстановка: величавое спокойствие природы, ее яркие краски, золотые лучи солнца, разгул свободного ветра и безбрежное зеленое море – степь... Если бы он надолго не уединялся от мелочной, грязной жизни базара, если бы он не лелеял своих дум и поэтических грез на вольном просторе, вдали от торгашеского шума жизни, – можно наверно сказать, что в русской поэзии не было бы тех чарующих звуков, какими так богаты песни Кольцова.

Глава II. Степь. Дружба и любовь

**Красота степи. – Влияние природы на поэтическую душу. –
Степной океан. – Деятельность Кольцова, в степи. –
Молодечество прасолов. – Опасности кочевой степной
жизни. – Степь – возможность отвлечься от базарных
дрягг. – Чтение и писательство в степи. – Жизнь в городе. –
Отсутствие руководителя в поэтической деятельности. –
Д. А. Кашкин. – Оживление провинции. – Кружки и поэты. –
Здравый смысл Кольцова. – Избыток юных сил. – Любовь
к Дуняше. – Печальная развязка. – Следы романа Кольцова
в его поэзии. – Дружба с Серебрянским. – Благотворное ее
влияние на поэта. – Вечера у семинаристов. – Чарующий образ
Серебрянского. – Местная известность стихотворца Кольцова. –
Жизнерадостная молодость – лучшее время жизни поэта. –
Подготовленность Кольцова к общественному служению пером**

Степь раздольная
Далеко вокруг
Широко лежит,
Ковылем-травой
Расстилается...
Ах ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась...

Так описывал Кольцов своего друга – степь. Чудною, наивною прелестью дышат все кольцовские описания природы: степи, поля, леса. Непосредственная простота этих описаний, так верно передающая явления природы и ее действие на людей, глубоко западает в душу читателя. И эти прекрасные строки могли выйти из-под пера поэта-прасола только потому, что он жил близкою жизнью со степью и полем. Им он обязан своими лучшими вдохновениями.

Если природа глубоко влияет на целые народы, определяя их культуру и характер, если «власть земли» обуславливает собою формы общественных, нравственных и религиозных отношений целой массы крестьянства, – отношений часто очень сложных, то влияние природы, ее красоты и величия, ее порою грозных сил на восприимчивую поэтическую душу тем более неоспоримо. Вспомним Лермонтова: в первый раз, когда он, почти ребенком, попал на Кавказ, его детская душа была так глубоко потрясена впечатлениями тамошней природы, что отзвуки этих впечатлений наполняли его грудь долго спустя и выливались в страстных и могучих стихах... И потом, во время последующих ссылок поэта, кавказская природа, служившая как бы немим укором людской низменности и пошлости, еще более

пленила автора «Демона», подвигая его на создание могучих, как чудные исполины Кавказа, героев... И этому влиянию кавказской природы на Лермонтова русская или, лучше сказать, мировая поэзия обязана бессмертными и вдохновенными созданиями, которыми будут наслаждаться еще многие грядущие поколения...

Так было и с Кольцовым... Нам знакомы те степи, расположенные в пределах Воронежской и частью соседних с нею губерний, где когда-то гулял поэт-прасол с гуртами скота и трепетно внимал переливающимся звукам песни косаря и томному напеву чумака.³ Конечно, нынешние степи – только слабый намек на те необозримые пространства земли, лежавшие под «ковылем-травой» в начале нынешнего столетия. Этот когда-то «зеленый океан» теперь значительно обмелел; со всех сторон надвигается на него жизнь; он застраивается селами; народонаселение увеличивается... Но и теперь красота этих степей, где под распашку идет только пятая-шестая часть всей земли, а остальная лежит под травой, поражает. В необозримую даль уходит слегка волнующееся зеленое море, изредка только сверкает под теплым солнцем на этом зеленом фоне крест сельской колокольни... В синей выси заливаются невидимые жаворонки, а по вечерам и ночам в полях гремят перепела... Маленькие лески, как острова на море, темнеют вдаль. Воздух, напоенный ароматом поспевающих трав, жадно, полною волною вдыхается грудью и живительно действует на утомленные городской сутолокою нервы... Хороша степь и тогда, когда на ней зазвонят косы и запестреют группы отбывающих страду людей или когда в теплые летние ночи на ее необозримом просторе замелькают приветные огоньки костров... В лунную весеннюю или летнюю ночь, когда степные озера сверкают под легкой дымкою тумана и сметанные стога стоят, задумавшись, как сказочные великаны, степная природа полна неизъяснимого очарования, от нее веет волшебною тайной. Об этих ночах можно сказать словами поэта, что они:

Наводили сны,
Сны волшебные;
Уносили в край
Заколдованный...

И Кольцов несомненно испытывал это обаяние степной природы. Ему приходилось теперь проводить в степи целые месяцы, лишь изредка заезжая в город. Он знал и восход солнца над этим зеленым морем, и глубокую степную ночь с яркими звездами, и жгучий, палящий полдень... Он знал все переливы красок степи и все мелодии ее воздушных пернатых обитателей. Что он глубоко любил степь и понимал ее красоты, доказывает его поэзия.

К этому времени, то есть когда Кольцову было 18–20 лет, дела его отца расширились и сыну приходилось быть уже настоящим помощником Василия Петровича: он ездил покупать скот, снимал пастбища для корма его и пас отцовские гурты в степи, будучи уже главным распорядителем. Иногда приходилось по целым дням не слезать с лошади и перекочевывать со стадами с места на место. Прасольство не лишено было своего молодечества: вихрем мчаться по степи, навстречу вольному ветру, когда сердце сладко замирает; состязаться в ухарстве с товарищами и приказчиками – все это давало пищу героизму, нередко присущему молодежи, выросшей на воле и свободе... Порою эта жизнь была небезопасна: раз Кольцов еще мальчиком полетел на всем скаку с лошади, и это, кажется, сделало его на всю жизнь сутулым. Раз его, по рассказу Белинского, хотел убить в степи работник. В глухие ночи около поэта бродили волки. Но даже все эти опасности манили поэтическую душу молодого прасола и отвечали той жажде бурных впечатлений, которая наполняла его грудь. Иногда приходилось быть под дождем, в грязи целые дни; порою холодный степной ветер

³ Чумак – извозчик на волах; в былое время отвозили в Крым и на Дон хлеб, а брали рыбу и соль (*Словарь В. Даля*)

пронизывал до костей; но молодость и крепкое сложение брали свое: Кольцов почти никогда не болел до той роковой болезни, которая свела его в могилу... И даже в эти ненастные, холодные дни – как приветно мелькал огонек в темной степи,

Где спела каша степняка,
Под песнь родную чумака!

А красота степи весною и летом с избытком вознаграждала за печальные дни осеннего ненастья.

Имелись и еще причины, по которым поэт должен был любить степь: она отвлекала его от базарных дрязг, от божбы и обмана, от жалкой борьбы и погони за грошами. А что мелкая кулаческая деятельность должна была казаться поэту несимпатичной – в этом трудно сомневаться: привычки и условия жизни поставили Кольцова перед необходимостью быть торгашом, но культа из этого занятия он создать себе не мог. Среди величавого простора степи умолкали воспоминания о сутолоке базара, а печальное ремесло торговца принимало более благородную форму... Однако мы должны указать и на неудобства степной жизни: здесь не было у Кольцова приятелей, в кружке которых в городе он отдавался стихам; не было библиотеки, да и неудобно было много читать. Впрочем, иногда он брал книги с собою и в степь, а стихи писал и под стогом сена, и под кустами, – так, мы знаем, что «Алеху, прасольского сына», застали за сочинением стихов в степи два проезжавших мимо офицера. Что степь, как и вообще природу, Кольцов горячо любил и прибегал к ней как к верному другу не только юношей, душа которого отзывчивее ко всем впечатлениям, но и тогда, когда уже жизнь значительно его потрепала, когда энтузиазм заглох, и сердце начинало черстветь, – это доказывается позднейшими письмами поэта к Белинскому: «Хорошее лето, – писал Кольцов критику, – славная погода, синее небо, светлый день, вечерняя тишь – все прекрасно, чудесно, очаровательно, и я жизньнюю живу и тоню своею душою в удовольствиях нашего лета!..» «Степь опять очаровала меня... Я чорт знает до какого забвения любовался ею... как она хороша показалась!»

Но в описываемое время на долю молодого Кольцова и в городе выпадало немало хороших дней. Мы его оставили там за чтением стихов и за потугами при создании их. Прозу теперь он читал неохотно и покупал только книги, написанные стихами. В существовавшей уже и тогда в Воронеже книжной лавке прасол вскоре приобрел себе сочинения Ломоносова, Державина, Богдановича и др. Он много писал, подражая в стихосложении авторам недавно купленных произведений. Стихов у него накопилось уже немало, но не было судьи, на приговор которого он мог бы положиться. И вот, наконец, победив свою робость, застенчивый и неловкий юноша Кольцов решается обратиться к книгопродавцу, у которого приобретал книги: краснея, вручает он ему свои «Три видения» и несколько других стихотворений с просьбою прочитав их и дать отзыв.

Этим книгопродавцем был Дмитрий Антонович Кашкин, человек в свою очередь интересный и замечательный. Пробив себе дорогу тяжелым трудом, Кашкин, не получивший никакого школьного образования, не заглушил, однако, в этой борьбе с суровыми условиями жизни стремления своей души к свету, когда все кругом еще утопало в кромешной тьме. Он, несмотря на незначительные средства, сумел дать своим детям солидное образование, и некоторые из них и теперь еще известны как даровитые люди (например, один – профессор Московской консерватории).

Скромный книгопродавец сумел даже стать светочем для поэта Кольцова при вступлении последнего на поэтическое поприще. Кашкин обладал чуткою и симпатичною душою. Когда пришел к нему плохо одетый, невзрачный мальчик Кольцов с заветною тетрадкою, Кашкин не посмеялся над ним: он обласкал его, разрешил бесплатное пользование своей

библиотекой при магазине и подарил ему, для того чтобы тот лучше научился правилам стихосложения, «Русскую просодию». Правда, он нашел первые опыты поэта неудачными, но ободрил юношу и поощрял на дальнейшее писательство.

Мальчик горячо привязался к оригиналу-книгопродавцу, постоянно бывал у него в магазине, рылся в книгах, посещал и его дом. Посетители магазина Кашкина часто встречали там одетого в засаленный нагольный полушубок или старую чуйку юношу Кольцова, с любопытством рассматривающего или читающего что-нибудь новое. Знакомство с Кашкиным было очень важно для поэта: оно служило для него образовательною школой; а то обстоятельство, что Кашкин поощрял опыты юноши и исправлял их, давало начинающему стихотворцу силу не отчаиваться в своем призвании.

Здесь мы должны сказать, что замечания о Кашкине в известной биографии Кольцова, написанной Белинским, неточны и сделаны, вероятно, на основании последних отзывов поэта об одном из первых его друзей и наставников, с которым, однако, Кольцов по своей вине впоследствии разошелся. Кашкин был человек начитанный, чуткий и знавший, несомненно, толк в поэзии, так что он не мог играть той роли, какую ему приписал Белинский, и оказаться будто бы не в состоянии отметить недостатки стихов поэта-юноши, отделавшись от него только «Просодией». Напротив, несомненно, что Кашкин не только исправлял опыты Кольцова, но и давал ему темы, подробно обсуждал с ним все относящееся до поэзии и вообще имел большое влияние на его развитие. Это ясно подтверждается многими свидетельствами и между прочим черновыми тетрадями поэта, где есть посвященные книгопродавцу восторженно-благодарные стихотворения. Даже известные стихи к Серебрянскому:

Не посуди, чем я богат —
Последним поделиться рад, —

в сущности, в помянутых выше тетрадях посвящались Кашкину. Но потом, когда поэт, избалованный своим успехом у литературных светил, вздумал довольно нетактично и свысока третировать прежних друзей, и те разошлись с ним, эта пьеска была посвящена Серебрянскому.

Кашкин, помимо личного благотворного влияния на поэта, сослужил ему службу еще и тем, что стал, так сказать, дверью для входа его в литературные кружки, которых было тогда несколько в Воронеже.

Под влиянием первых симпатичных лет царствования Александра I и знакомства — благодаря более живому общению с Западом — с богатой европейской литературой и общественными порядками в русское общество, как известно, хлынул поток новых идей, проникших и в глухую провинцию. Вследствие этого обстоятельства и, в частности, под обаянием блестящей славы Пушкина в Воронеже, как и в других городах на Руси, возник интерес к литературе и чтению, и образовались литературные кружки, группировавшиеся около Кашкина и других лиц, а также в семинарии и гимназии. Здесь читались поэты, происходили споры, обсуждались стихотворения членов кружка и слушались последние литературные новости. Кружки издавали рукописные альманахи, где в качестве поэтов часто выступали лица купеческого сословия. Кольцов благодаря Кашкину встречался с ними, присутствовал на собраниях кружков, знаком был, например, с молодым Придорогиным, впоследствии известным другом Никитина. Вообще время с 1825 по 1830 год — время «избытка жизни», пора духовного и физического роста поэта — было важною эпохою в его развитии. Тут в нем окончательно окрепло стремление к творчеству, поощряемое его новыми знакомыми. В эти годы он испытал первую любовь, и их же осветила теплая и искренняя дружба поэта с Серебрянским.

Несомненно, и тщеславие могло играть известную роль в стремлении Кольцова писать стихи: он желал таким образом отличиться перед другими членами кружков, желал пока-

зять, что и он «не лыком шит», а «сочинитель». И теперь еще в нашей провинции имеются «поэты» и «кружки», упорствующие в сочинительстве в то время, когда ни форма, ни содержание их работ не оправдывают этого упорства. Поэты подобного сорта, произведения которых – увы! – так изобильно заполняют собою корзины редакций и страницы «почтового ящика» периодических изданий, в сущности, весьма похожи на чичиковского Петрушку: очень, правда, хитрая штука – приставил строчку к строчке, рифму состряпал – и выходит «стих»! Право назвать себя «сочинителем» или «стихотворцем» до сих пор ценится даже в медвежьих углах нашего обширного отечества. Это явление указывает на то уважение к представителям «слова», которое хотя медленно, но все же проникает в массу. Повторяем, известное тщеславие могло подстегивать и Кольцова, когда он начал писать много стихов. Но все-таки мы тут имеем дело с настоящим поэтом, у которого «кровь кипела» и был «избыток сил», с поэтом, сумевшим бы найти дорогу, несмотря на препятствия: в бессвязных виршах прасола начинают уже попадаться простые, чистые звуки, в которых можно узнать будущего Кольцова... И сама жизнь поэта в эту пору давала источник для поэтических вдохновений. В городе Кольцов часто посещал зятя своего Башкирцева, чей дом был поставлен на более светскую ногу: там нередко устраивались игры, песни, чтения. Отец поэта, сначала было косившийся на книги и занятия сына «пустяками», примирился с этим, когда увидел, что он и делом занимается хорошо.

Мы должны по поводу этих занятий поэта торговым делом обратить внимание на замечательное и счастливое соединение в Кольцове здравого смысла, основательности и положительности с поэзией. Не всегда эти качества совмещаются в одном лице, но в нем такое совмещение случилось, что отразилось почти на всех его произведениях с их «резвеною» правдою, следованием реальности, ясным и точным пониманием дела, о котором поэт пишет. Кольцов вырос в торговой среде, привыкая к ней чуть не с пеленок. И в эту сферу он, конечно, не мог не внести своих способностей. Мы уже отмечали выше примиряющие и даже поэтические стороны прасольства: поездки по степям, заезды в деревни, пирушки и хороводы там. Во всяком случае, добрая половина торговой деятельности Кольцова за это время могла задевать живые стороны его характера... Но вместе с тем поэт получил от отца его практичность, знал цену копейке и в эмпиреи не ударялся... Но, указывая на эту «резвенность» поэта в делах практических, мы не должны забывать, что у него, помимо торговли, была «святая святых» – мир его поэтических грез и творчества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.